

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ ИСЛАМА

В данной статье автор рассматривает проблемы, связанные с взаимовлиянием и взаимодействием религиозных и светских институтов в странах ислама. Речь идет о противоречивых тенденциях в политической и духовной жизни в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока, а также государств Центральной Азии, где наблюдается столкновение интересов мусульманского духовенства и светского руководства.

Ключевые слова: религия, политика, взаимодействие, мусульманские страны, Иран, Казахстан, Таджикистан, Турция.

Проблема о взаимосвязи и взаимовлиянии религии и политики существовала всегда. В отдельные периоды истории человеческого общества обострение противоречий в борьбе за власть в некоторых государствах приводило к ожесточенным схваткам высших кругов духовенства с политической элитой. В настоящее время подобная картина наблюдается также и в мусульманских странах. В основном она происходит на фоне попыток внешних сил заменить существующие там правительства режимами, лояльными к Западу и США. Завязывается конфликт между светскими правящими кругами, заинтересованными в финансовой помощи Запада, и исламскими фундаменталистами, резко выступающими против усиления влияния иностранных держав. Достаточно напомнить военно-политические акции США и их союзников по НАТО в Центрально-Азиатском регионе (Афганистан, Пакистан), на Ближнем и Среднем Востоке (Ирак, Египет, Сирия, Ливия, Йемен и пр.).

Взаимоотношения между религиозными и политическими кругами складываются неоднозначно в зависимости от того, имеет ли религия Ислама в каждой конкретной стране статус государственной религии, или же у власти находятся светские режимы, а большинство населения исповедует Ислам. Отмечено, что там, где религия не имеет статуса государственной и ее роль не отражена в Конституции, впоследствии почти неизбежно проявляются разногласия между светским характером государства и религиозными убеждениями народа. И это случается, несмотря на то, что государство возглавляет мусульманин, избранный согласно Конституции, принятой и одобренной населением в ходе выборов (в большинстве случаев).

Причиной разногласий и конфликтов является, главным образом, недовольство социальной политикой руководства, которое, придя к власти, или «забывает» о своих обещаниях, или же просто не в силах быстро провести реформы, повышающие благосостояние народа. Обычно в таких случаях и включаются в игру внешние прозападные силы, подогревая протестные настроения оппозиции, зачастую использующей лозунги защиты ислама. И именно в такой обстановке возникают требования о замене светского режима теократическим правлением, или об отделении религии от политики.

В течение последних двадцати лет наблюдается беспрецедентное давление внешних сил на Исламскую Республику Иран (ИРИ), против которой применяются разного рода санкции с целью принудить ее к изменению не только своего внешнеполитического курса, но и внутренней политики. Здесь необходимо пояснить, что в Исламе имеются два основных течения (*масхаба*) – сунниты (около 80 %) и шииты. ИРИ – единственное в мире мусульманское го-

сударство, в котором, согласно предписаниям шиитского масхаба, верховным властителем государства может быть только представитель высшего духовенства (*рахбар*), назначаемый из числа наследников основателя исламской религии – Пророка Мохаммада. У суннитов же исторически глава государства должен избираться из числа наиболее достойных претендентов. Он же осуществляет и светское и религиозное руководство¹.

Лидер исламской революции в Иране имам Хомейни совершенно четко заявлял: «Ислам является политико-религиозным учением, в котором политика дополняет богослужение, а богослужение дополняет политику; в Исламе больше политических предписаний, чем религиозных, клянусь Богом, что весь Ислам – это политика!; исламская религия носит политический характер, что все в ней связано с политикой, даже богослужение...» и т. д. [Изречения..., 1995. С. 17].

В своем «Религиозном и политическом завещании» имам Хомейни говорит: «Все мы должны понимать, что именно *политические* (курсив мой. – В. П.) мероприятия, помогающие мусульманам, особенно шиитам, осознать свою идентичность, способствуют единству мусульман» [Имам Хомейни, 1999. С. 17]. Иначе говоря, он совершенно недвусмысленно акцентировал внимание на религиозном аспекте и завещал мусульманам («особенно шиитам») осознать свою идентичность в ходе именно политической деятельности.

Президент ИРИ М. Ахмадинежад, выступая недавно на церемонии закрытия конференции «Исламское пробуждение» (Тегеран, 18 сентября 2011 г.), вновь подчеркнул ведущую роль религии в политике. Он сказал: «Мусульманские политики должны стать авангардом движения Пробуждения. Истоком Пробуждения – и в традиционно мусульманских странах, и в иных странах мира (курсив мой. – В. П.) – является сущность религиозного государства»². Как видим, речь идет не только о странах Ислама, но и о мировом сообществе.

Другую точку зрения выразил премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, вступивший в полемику с запрещенным в Египте в 60-х гг. прошлого века, а ныне легально действующим движением «Братья-мусульмане». В июне 2011 г. комиссия по политическим партиям Египта официально зарегистрировала Партию свободы и справедливости (ПСС), созданную этим движением. После свержения правления президента Хосни Мубарака началась полемика «между либеральными и исламскими группами относительно вопроса государственного устройства Египта». Во время своего визита в Египет Р. Эрдоган, ссылаясь на опыт Турции, заявил, что Египту тоже необходима светская конституция. Свою позицию он объяснил так: «Светскость Конституции в Турции проявляется равным отношением государства ко всем религиям, а именно: “Светскость вовсе не означает атеизм”; “Я, Реджеп Тайип Эрдоган, не только светский человек, но и мусульманин. Однако я премьер-министр светского государства. В светском государстве люди имеют свободу выбора: быть верующим или же нет”»³.

ПСС Египта отреагировала в том смысле, что «невозможно применить политическую модель одной страны по отношению к другой».

Сейчас Турция идет еще дальше. Как сообщают турецкие СМИ, с 1 октября 2011 г. в этой стране вступает в силу Закон о судах, принятый 12 января того же года парламентом страны, согласно которому отныне в судебных клятвах больше не будет слова «Аллах». Если раньше в судебной клятве присутствовало словосочетание «Клянусь Аллахом и честью», то теперь оно заменено на фразу «Клянусь честью, достоинством и всеми священными ценностями»⁴.

Итак, перед нами пример того, как в двух государствах, подавляющее большинство населения которых исповедует религию Ислама, интерпретируется вопрос о взаимоотношении религии и политики.

¹ В Иране в октябре 1981 г. в основном реализовалась идея лидера исламской революции аятоллы Хомейни об установлении в Иране теократического режима, где ведущую политическую роль играют исключительно приверженцы религиозного института мулл. С 1989 г. новым «рахбаром» с практически неограниченными полномочиями стал аятолла Али Хаменеи.

² Ахмадинежад М. «Чтобы наш день настал...» // Завтра. 28.09.2011. № 39 (932). URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/11/932/31.html>

³ Эрдоган вступил в полемику с египетскими «Братьями-мусульманами». 14.09.2011 // ИА REGNUM. URL: www.regnum.ru/news/1445401.html

⁴ Из судебных клятв в Турции изъяли слово «Аллах» // ИА REGNUM. 23.09.2011. URL: www.regnum.ru/news/1448725.html

Особое место в нашей попытке исследовать указанную проблему занимает мнение убитого мятежниками вождя ливийской революции, автора «Зеленой книги» Муаммара Каддафи. Поясняя свое видение соотношения религиозного и политического факторов, он, как выходец из племенного общества, полагал, что «подлинным Законом общества является либо обычай, либо религия». «Религия, – говорил М. Каддафи, – включает в себя обычай, а обычай есть выражение естественной жизни народов. Следовательно, религия, включающая обычай, есть утверждение естественного закона. Законы, не базирующиеся на религии и обычаях, специально создаются человеком против человека и в силу этого неправомерны» [1989. С. 51, 54].

По мнению М. Каддафи, политику должен определять народ, основываясь на своих обычаях и религиозных верованиях. Это его утверждение можно рассматривать как отражение взгляда представителя племенного общества, пытающегося приспособить обычное право к современным условиям техногенной цивилизации, в которой мы сейчас находимся.

Неопределенность ситуации отражается сегодня, к примеру, в некоторых центральноазиатских странах в рамках дискуссий о соотношении религии и политики. В преддверии годовщины терактов 11 сентября 2001 г. на территории США казахстанская народно-демократическая партия «Нур Отан» организовала недавно видеоконференцию по «афганской проблеме», где обсуждался вопрос о возможной угрозе исламского экстремизма для государств Центральной Азии. В мероприятии принимали участие также представители Москвы, Бишкека (Кыргызстан) и Вашингтона (США). В ходе конференции российский историк-востоковед, профессор Виталий Наумкин резонно, по-моему, заявил: «Я так и не услышал ответ: а чего же хотят в Центральной Азии, какие государства они хотят иметь – светские, исламские или с умеренным исламом? Мы знаем, чего хочет элита, но не народ. И почему все больше молодых людей из Центральной Азии едут в северо-западную пограничную провинцию Пакистана и примыкают к талибам – тоже ответа нет».

В ответ представитель партии «Нур Отан» Е. Карин заметил, что ему трудно отвечать за все государства региона, но, по его мнению, в Казахстане уже фактически построили государство, которое хотели. Далее он объяснил: «То, что иногда возникает вопрос относительно хиджаба или каких-то других религиозных моментов, языка, не означает, что здесь в обществе есть какие-то серьезные, непреодолимые, глубокие противоречия, сомнения в том, то ли государство мы построили или мы хотим построить какое-то другое. Из этих маленьких дискуссий и проблем не возникает глобального вопроса – какое государство мы хотим построить, правильным ли мы путем идем или мы хотим отказаться от какой-то сложившейся системы»⁵.

Отметим, что подавляющее большинство коренного населения Республики Казахстан исповедует религию Ислама, хотя в Конституции страны отсутствует статья о религиозной принадлежности.

Более или менее внятно свою точку зрения озвучил руководитель Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) М. Кабири. Он считает, что в настоящее время для Таджикистана «президентская форма правления более приемлема». «Однако, – отметил он, – необходимо ограничить полномочия президента, расширить полномочия премьер-министра и парламента. Президентские республики в регионе (в Средней Азии), по сути, превратились в монархии». М. Кабири полагает, что в свое время «необходимо было сосредоточить власть в одних руках для объединения нации», а сейчас «правительству необходимо осознать, что события, произошедшие на Ближнем Востоке, могут повториться в Центральной Азии, в том числе в Таджикистане»⁶.

Следовательно, исламские авторитеты Таджикистана обходят вопрос о легитимности или нелегитимности светского правления, его одобрении таджикскими мусульманами или осуждении. Они просто предлагают «урезать» власть президента во избежание превращения его в диктатора.

⁵ Воронной И. Афганистан тут ни при чем // Известия-Казахстан. 13.09.2011. URL: <http://www.izvestia.kz/node/19656>

⁶ Президентские республики в Средней Азии превратились в монархии: лидер ПИВТ// ИА REGNUM. 26.09.2011. URL: // www.regnum.ru/news/1449337.html

Далее. Если рассматривать взаимовлияние религии и политики несколько шире, то нельзя не обратить внимания на эту проблему в области внешней политики. Известный российский исследователь в области геополитики А. Дугин, например, считает, что, несмотря на различие в характере власти, стратегические интересы Ирана и России совпадают «по всем основным зонам, представляющим для обеих стран жизненный интерес». В частности, оба государства «заинтересованы в том, чтобы Средняя Азия, Кавказ и Ближний Восток были свободны от американского военного присутствия. Кроме того, для Ирана и России чувствительно наличие в регионе повышенной активности радикального ислама салафитского толка. Это касается и Афганистана». В Средней Азии и в Афганистане Россия и Иран взаимодействуют с одними и теми же силами и режимами.

Касаясь непосредственно религии, А. Дугин высказывает мнение, что «иранский шиизм никак не влияет на мусульман России, состоящих почти целиком из суннитов... Поэтому иранский фактор нейтрален, и никакой опасности подпитки исламского радикализма с этой стороны не исходит».

А. Дугин приходит к следующему выводу: «Все факторы подталкивают нас к тому, чтобы заключить с Тегераном тесный и надежный стратегический альянс на всех уровнях – в политике, экономике, военной сфере, энергетике и т. д. Вместе Россия и Иран превращаются в мощнейший геополитический полюс, способный многократно усилить контроль над огромной территорией Евразии»⁷.

Таким образом, высказывается предложение абстрагироваться от светского или религиозного характера власти и обратить внимание на общность интересов, выстраивая в Азии союз для борьбы с угрозой американского военного присутствия и радикальных исламистов.

Отметим, что высказанное несколько выше мнение А. Дугина совпадает с точкой зрения Посла ИРИ в России Сейеда Реза Саджади, который в одном из интервью заявил: «Наша принципиальная позиция сводится к тому, что наличие иностранных контингентов в исламских странах – недопустимо. Это не приносит ничего, кроме напряженности». И далее: «Россия вскоре поймет, что Запад – ненадежный союзник. Это видно уже сейчас по многим аспектам, например по вопросу о членстве России в ВТО, по вопросам глобальной ПРО и так далее»⁸.

Президент Института Ближнего Востока Е. Сатановский недавно обвинил Турцию в том, что она «становится новой Оттоманской империей в блоке с подпирающими ее монархиями Персидского залива». И далее: «Сегодня ясно, что ислам как политическое явление фактически победил на Ближнем и Среднем Востоке. Светские режимы доживают последние дни. Суннитский политический ислам уже в ближайшие годы возобладает в регионе. Далее неосманисты будут бороться с Ираном, сводить счеты с Израилем» [Турецкий марш, 2011. С. 2].

Заявление, по-моему, очень категоричное и «скоропалительное».

В целом, отношение к статусу государственного устройства (религиозный или светский режим) совсем не выглядит столь однозначным. Представители мусульманской общины высказывают различные точки зрения, исходя из обстановки, сложившейся на данный момент в той или иной стране. Кроме того, в самой *умме* (мировой исламской общине) постоянно идут конфликты, в основе которых лежит борьба за влияние как в области решения внутренних проблем, так и в международных делах.

Тем не менее политизация Ислама становится все более явной. Впрочем, религия всегда была связана теснейшими узами с политическими деятелями, которые не могли обойтись без «освящения» (хотя бы формального) своих действий со стороны верховного духовенства, будь то суннитское или шиитское направление Ислама. Политические лидеры, в свою очередь, не могли обойтись без поддержки религиозных авторитетов, всегда имевших неоспоримое влияние на народные массы и в первую очередь на маргинальные слои населения.

⁷ Дугин А. Ось Москва – Тегеран: реальности и возможности геополитики // Сайт Российского информационного агентства IRANnews. 09.09.2011. URL: http://iran.ru/rus/print_news.php?news_id=75404

⁸ Куксенкова И. «У нас демократический строй». М. Р. Саджади // Московский комсомолец. 16.09.2011. URL: http://www.iran.ru/rus/print_news.php?news_id=75566

Вместе с тем в настоящее время отмечается расширение и углубление прямых и опосредованных связей руководителей светских государств с влиятельными американскими и западными политическими кругами. Эта тенденция в значительной степени объясняется их стремлением заручиться поддержкой мировых держав в противостоянии с воинствующими исламистскими режимами, которые ощутимо набирают силу. Светские деятели чувствуют опасность исламизации и зыбкость собственных позиций, оказываясь беспомощными при решении накапливающихся социально-экономических проблем в своих странах.

Запад и США, анализируя накаляющуюся обстановку, стараются маневрировать на местном и международном уровнях, прибегая как к прямым угрозам, так и к уступкам при решении тех или иных проблем, не упуская, естественно, основной цели – сохранения своего доминирующего влияния на расстановку сил в мировом масштабе.

На этом фоне представляет интерес дискуссионный анализ глобальных процессов в регионах Ближнего и Среднего Востока, представленный азербайджанскими политологами Зардуштом Ализаде и Расимом Агаевым⁹. Первый высказывает опасение, что «скоро мы увидим падение режимов в Сирии, а потом в Иране, и таким образом США возьмут под контроль всю нефтегазовую отрасль Ближнего Востока в свои руки». Второй уверен, что Иран в случае смены власти поменяет свои внешнеполитические ориентиры на проамериканские и тогда «американцы продвигаются вплотную к границам Южного Кавказа со всеми вытекающими отсюда последствиями». Он же считает, что «арабские революции» являются «частью геополитического мегапроекта, реализуемого Западом. Речь идет о контроле над углеводородными запасами, стратегическими транспортными коридорами, большими регионами, которые более всего интересуют США и весь Запад».

Различие во взглядах названных политологов заключается в том, что З. Ализаде видит в расширении фактического присутствия США и НАТО на Южном Кавказе угрозу в первую очередь для Китая, который получает 90 % углеводородов из этого региона, и Ирана. А Расим Агаев убежден, что главная цель – «не Иран, а Россия».

Как бы то ни было, но главный принцип внешнеполитического курса США – протекционизм и усиление попыток своего доминирования за последние пятьдесят лет не изменился.

В принципе, для населения любой страны, видимо, не так уж важно, находится ли у власти светский или исламский режим. Решающим доводом в пользу того или иного статуса государства является решимость его руководства действовать в интересах своего народа и безопасности международной обстановки.

Список литературы

Изречения, афоризмы и наставления великого вождя исламской революции Его светлости имама Хомейни (да упокоит Аллах его душу). Тегеран: Изд-во произведений Его светлости имама Хомейни. Международный отдел, 1995.

Имам Хомейни. Религиозное и политическое завещание. М.: Палея, 1999.

Каддафи М. Зеленая книга. М.: Междунар. отношения, 1989.

Турецкий марш // Литературная газета. 2011. 21–27 сент. № 37. С. 2.

Материал поступил в редакцию 15.11.2011

Vladimir N. Plastun

FEATURES OF THE INTERACTION OF THE RELIGION AND POLITICS IN THE MOSLEM COUNTRIES

In the article the author examines the problems connected with the interrelations and contradictions between religious and temporal powers in the Moslem states of the Near and Middle East and also in the some Central Asia countries. The main problem is a permanent struggle for the real political power but each party has its own vision and reasoning of the problems' solutions.

Keywords: religion, politics, interaction, Moslem countries, Iran, Kazakhstan, Tajikistan, Turkey.

⁹ США против Китая и Ирана. С кем Россия? Азербайджанские политологи анализируют глобальные процессы // ИА REGNUM. 03.09.2011. URL: www.regnum.ru/news/1441796.html